

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ЛЮДИ

НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ

АНТОН Павлович Чехов — писатель простой, честный, открытый, исполненный величайшего отвращения к притворству, фальши, показной доброте.

И в то же время он писатель загадочный, иносказательный и даже — будто пояснения — лукавый. О «подводных» текстах у Чехова, о тех случаях, когда герой говорит одно, а думает другое, когда за незначительными словами скрываются сильные чувства, — обо всем этом сказано в литературе много, такой художественный прием ясен и известен. Любовь к человеку, вера в человечество, в то, что, несмотря на все неспелости окружающей действительности, людям суздено светлое и радостное будущее, — все это присуще произведениям писателя. Но все-таки вопрос о его отношении к героям разрешается не так-то легко.

Чехов любит своих героев и в то же время над ними посмеивается. Посмеется, посмеется, а потом пожалеет, а потом пожуриет: «Не так, мол, вы живете». И уже не герой, а читатель задумается над тем, что же сделать, как же начать честную, разумную жизнь...

Леонид Андреевич Гаев, застойный оратор, болтливый бездейственный либерал, абсолютно будто бы «лишний человек»... Любовь Андреевна Раневская, его сестра, накануне своего разорения подающая пьяному бродяге милостыню пять рублей золотом, женщина, о которой брат говорит: «Она порочна»...

Подполковник Вершинин, барон Тузенбах...

Все эти люди по-своему честны и несчастны, каждый из них тянется к чему-то лучшему и в конце концов достоин сочувствия не только у современника, но даже и у сегодняшнего зрителя и читателя. И не только они.

Разве не вызывает сочувствия школьный преподаватель Кулыгин, тупой, ограниченный человек, сущий пошляк, вдруг с огромной чуткостью относящийся к драме своей жены Маши, полюбившей другого?

А Елиходов? Глупый, неудачливый конторщик, у которого и лицо глупое, и любовь глупая, и даже гитара его делается глупой в тот момент, когда он почему-то называет ее мандолиной.

Ни один из чеховских героев не был настолько плох, чтобы не отыскалось в нем что-нибудь хорошее.

Но бывает наоборот. Иной раз в достойном культурном персонаже вдруг отыскивается такая черта, что...

Помните в «Чайке» знаменитую актрису Аркадину, умную, талантливую, высокоинтеллигентную женщину? Мы не ставим ей в вину роман с писателем Тригориним, мы охотно прощаем ей большое чувство, облагораживающее так называемую «незаконную связь», но когда она, уезжая из поместья, оставляет прислуге один рубль и подчеркнуто, дважды повторяя, говорит: «Это на троих», — вот в эту минуту на щеке у нее появляется омерзительное родимое пятно!

Таковы герои Чехова, таково к ним отношение авторское и читательское.

В то же время в каждой из чеховских пьес есть один персонаж, которому ни прощания, ни снисхождения нет и быть не должно.

Это жена Андрея Прозорова Наташа из «Трех сестер», выживающая сестер из родного дома, пошлая, мещанистая особа.

Это профессор Серебряков из «Дяди Вани», ученая вошла, человек, привыкший к поклонению окружающих, заедающий своих близких невыносимым брюзжанием и живущий за счет их труда.

Это лакей Яшка из «Вишневого сада», тупое плосколицее существо, невежда, дурак и пошляк, который, нюхнувши парижского воздуха, вдруг начинает презирать родную страну, ее природу и честных простых людей.

Все трое довольны своим образом жизни, и не им мечтать о лучшем, светлом и прекрасном, не им провидеть «небо в алмазах».

Что же роднит между собою эту домашнюю хозяйку, мать своего семейства, этого ученого профессора, знатока российской словесности, и этого лакея-приживальщика?

Они паразиты, бездельники, тунеядцы в различных проявлениях этих омерзительных качеств.

ДЛЯ Чехова имеет значение не только что говорится человеком, но и какой человек говорит.

В пьесе «Иванов» противопоставляются два действующих лица: Николай Алек-

сеевич Иванов, носитель нарицательного русского имени, литературный наследник Рудина, Лаврецкого и Обломова, бывший романтический мечтатель, опустившийся, погрязший в обывательщине, чиновник и преферансист; и доктор Львов, представляющий собой общественное мнение так называемой «интеллигентной среды». Доктор Львов — человек честный, сознательный, приносящий несомненную пользу, но в то же время скучный, тупой, нечуткий. Он принципиален, но его принципиальность родная сестра ограниченности. Чехов его не любит. Иванова, безвольного, опустившегося, он жалеет, скорбит о нем и думает, что в других обстоятельствах из него, как из дяди Вани, «мог бы выйти Шопенгауэр или Достоевский», а доктора Львова, который непогрешим, который судит о людях и выдает им моральные паспорта, его самого Чехов судит судом высшего человеческого презрения.

Таковы же взаимоотношения других двух антиподов — фон Корена и Лаевского в повести «Дуэль».

Для Чехова и доктор Львов, и зоолог фон Корен — ближайшие родственники, и в том светлом мире, о котором говорит писатель устами своих любимых героев, им, этим «порядочным» людям, места не найдется.

ЧЕХОВ был мастер задавать загадки не только читателям, но и актерам, которые воплощали на сцене его героев, и при этом отказывался давать разъяснения, говоря: «Я же все написал».

В чем же заключается «лукавство» писателя?

1898 год. В Московском Художественном театре готовятся к премьере «Чайки». Театру предстоит реабилитировать пьесу после александрийского провала, и, естественно, артисты с величайшим тщанием относятся к разработке своих ролей. К. С. Станиславский репетирует роль Тригорина. Тригорин — модный беллетрист, материально, безусловно, обеспечен, избалован женским вниманием; Станиславский задумал его элегантным, обаятельным и превосходно одетым. А Чехов, как на грех, говорит: «Не так! У него стоптанные башмаки и клетчатые брюки».

Как так? Почему? Никаких разъяснений. «Я же все написал».

Проходит год. В том же коллективе готовят «Дядю Ваню». А. Л. Шинельский играет главного героя. Кто такой Войницкий? Степной помещик, живущий в глуши. Конечно, опустился, обнерячился. Значит, нужны ему кар্তুз, смазные сапоги да рубаха на выпуск! А автор опять свое: «Не так. Он изящно одет, у него красивые галстуки», и снова загадка...

Однако если хорошенько поразмыслить, мало того, если по-настоящему вжиться во внутренний мир этих людей, в «предлагаемые обстоятельства», то трудные загадки становятся понятны и разрешимы.

Попробуем разобраться. Тригорин проводит свой летний отдых в имении Аркадиной. Он страстный рыбак и с необычайным усердием предается этому успокаивающему нервы занятию. На рыбалку, как нетрудно догадаться, изысканно не одеваются. В задачу артиста, таким образом, входит показать, что Тригорин в стоптанных башмаках и стареньком костюме остается тем же «баринком», тем же интеллигентом.

А как с Войницким? В чем его основная тема, его «сквозное действие»? Основная тема Войницкого — это любовь к профессору, большое чувство, которое определяет его внутренний мир и всю его линию поведения.

Возможно, что еще месяц назад, до приезда профессора на летние каникулы, Иван Петрович действительно ходил расхлябанным, опустившимся, но с приездом столичных гостей изменился до неузнаваемости, стал элегантен и подтянут.

Так углубляет Чехов психологию своих героев, заполняя их внутренний мир трехмерным содержанием.

У ЧЕХОВА во всех пьесах уезжают. В «Чайке» уезжают весело и шумливо, чтоб вернуться напряженно и трагедийно. В «Дяде Ване» уезжают под вой ветра и стрекот сверчка, оставляя после себя тоску, надрыв и обреченность. В «Трех сестрах» уезжают под дуэльный выстрел и под веселую духовую музыку, с безысходной болью и просветленным страданием. Уезжают в «Вишневом саду», радостно встречая новую жизнь, ломая и

круша старую, «забыв человека» в заколоченном глухом доме.

Станиславский—Гаев в четвертом акте пьесы, уходя последним, отдирает кусочек обоев со стены, стыдливо глядя его в карман и покидал родное гнездо, опустив голову и шаркая ногами.

В пьесах у Чехова стреляют.

В «Иванове» мы видим приговор лишнего человека самому себе — самоубийство нелепое, бестолковое. Даже по драматургической структуре оно противоречит известному правилу, самим же Чеховым сформулированному: если ружье показано в первом действии, в последнем оно должно выстрелить. В данном случае выстрел в конце пьесы не обусловлен предшествующим развитием. В «Чайке» также самоубийство молодого писателя — болезнь века, оторванность от народа, отсутствие веры в свои силы, в свое дарование...

В «Дяде Ване» Войницкий стреляет в профессора — бессмысленно, истерично. Эту сцену обычно и зритель всерьез не принимает. Драматический случай как бы снижает горести героев, автор как бы хочет показать, что независимо от результата этим способом нельзя разрешить житейские сложности.

Наконец, в «Трех сестрах» — дуэль, Грубый, неумный, исковерканный человек убивает человека честного, благородного, с чистым сердцем и музыкальной душой. А жизнь идет своим ходом, доктор напевает «Тарарабумбия», Андрей Прозоров катает ребенка в колясочке, а оркестр играет не реквием и не похоронный марш, а веселую военную музыку.

В последней пьесе Чехова не стреляют. В «Вишневом саду» ни самоубийств, ни дуэлей, ни покушений на убийство — ничего нет. Но есть одна деталь, которая, как тонкий штрих, как расплывчатый нюанс, приводит к ассоциации с выстрелом.

Во втором действии в группе отдыхающих на прогулке настала минута теплого вечернего настроения. Тишина, прозрачная, расплывчатая... Все сидят, задумавшись, слышно только, как бормочет Фирс. И вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Это что? **ЛОПАХИН.** Не знаю. Где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко...

ГАЕВ. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

ТРОФИМОВ. Или филин... **ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА** (вздрагивает). Неприятно почему-то.

Что означал этот звук, каков смысл этого эпизода в пьесе — сказать трудно, но из мемуарной литературы известно, что Чехов придавал своей ремарке большое значение и много усилий приложил, чтобы этому звуку придать должную тональность и выразительность. Значительность этой детали подтверждается тем, что и в конце пьесы, под занавес, под бормотание забытого в заколоченном доме старика, по ремарке автора снова «слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву».

При абсолютном дословном повторении ремарки отклоняется мысль о случайном совпадении, и этот «звук лопнувшей струны» становится значительным, обязательным. Не играет ли он здесь роль выстрела, но не дуэльного, а скорее сигнального, который оповещает о беде? Дважды звучит: в первый раз — как бы предвещающая беда, в другой раз — как бы оповещающая о ее пришествии.

ВОТ несколько наблюдений над текстом произведений, которые хорошо известны широкому читателю и много раз виданы массовым зрителем. Таковы факты. А какие выводы?

На этот вопрос можно ответить вопросом же:

— А нужны ли они? Чехов очень не любил делать заключения, называть причины, указывать средства — выводы он предлагал делать читателю.

Он был замечательным диагностиком по болезням общества, но не был лечащим врачом этих болезней.

Только лишь по последней пьесе Чехова «Вишневый сад» да по последнему рассказу его «Невеста» можно сказать, что писатель сделал свой выбор, что он пошел бы навстречу передовому движению и посвятил бы свое творчество народному делу, если бы жизнь его не оборвалась, горько подумав, на сорок четвертом году.